

Бархо Владимир Юрьевич,

Абитуриент кафедры аспирантуры ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»,

РФ, г. Ростов-на-Дону

ИЗЪЯТИЕ ОРГАНОВ И (ИЛИ) ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: В настоящее время, противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека, вызывают всё большее беспокойство у мирового сообщества. Существующий в мире дефицит донорских органов и тканей обуславливает интерес преступных групп к деятельности, направленной на получение биологических объектов человека и их последующий сбыт. Исходя из этого, обеспечение эффективной охраны общественных отношений от данного вида посягательств является актуальной задачей на сегодняшний день.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, ткани и органы человека, трансплантация, преступная группа.

Annotation: Currently, illegal acts related to human organs and (or) tissues are causing increasing concern to the world community. The shortage of donor organs and tissues in the world causes the interest of criminal groups in activities aimed at obtaining human biological objects and their subsequent sale. On this basis, ensuring effective protection of public relations from this type of encroachment is an urgent task today.

Keywords: armed conflict, human tissues and organs, transplantation, criminal group.

Представляется, что основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются наиболее важные общественные отношения, причинение вреда которым вызывает озабоченность международного сообщества, а также обеспечение которых достигается путем добросовестного выполнения государствами международных обязательств в части гуманного отношения к лицам, вовлечённым в вооружённый конфликт. Между тем, в литературе встречается мнение, что отношения, характеризующие выполнение международных обязательств государства в рамках принципа *pacta sunt servanda*, являются дополнительным объектом рассматриваемого преступления. В качестве основного объекта рассматриваются, прежде всего, жизнь и здоровье личности. Данная позиция видится спорной. Необходимо отметить, что, безусловно, деяния, связанные с изъятием органов и (или) тканей человека, создают непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан, а в случае изъятия трансплантатов у трупа имеет место посягательство на общественные отношения в сфере погребальной обрядности как элемента общественной нравственности [2, с. 103] .

Однако жизнь и здоровье личности будут являться непосредственным объектом преступного посягательства в случае совершения, соответственно, убийства в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего либо умышленного причинения вреда здоровью в тех же целях в мирное время. Если же указанные деяния совершаются в условиях вооружённого конфликта, то жизнь и здоровье должны рассматриваться в качестве дополнительных объектов преступления.

Следует отметить, что само по себе изъятие органов и (или) тканей человека является преступлением международного характера, поскольку запрещено Конвенцией Совета Европы против торговли человеческими органами 2015 г. (далее – Конвенция против торговли человеческими органами), вопрос о ратификации которой Российской Федерацией в настоящее время рассматривается. В связи с этим необходимо привести следующий пример. Так, Конвенция о рабстве 1926 г. устанавливает запрет на

использование принудительного труда, однако правовая оценка соответствующих нарушений изменяется в условиях военного времени. Привлечение к труду лиц, находящихся во власти противной стороны, регламентировано в «праве Женевы» [4].

В то же время порабощение гражданских лиц, т.е. осуществление любого из правомочий, связанных с правом собственности в отношении человека, является преступлением против человечности (подп. «с» п. 1 ст. 7 Римского Статута МУС). Аналогичные соображения могут быть отнесены и к деяниям, запрещённым Конвенцией против торговли человеческими органами. Следовательно, обстановка вооружённого конфликта, в которой совершается деяние, существенно изменяет его уголовно-правовую оценку. Это обусловлено не только различной общественной опасностью преступлений, совершённых в военное и мирное время, но и теми общественными отношениями, которые страдают вследствие их совершения.

Изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта следует рассматривать как международное преступление, основным непосредственным объектом которого являются отношения, затрагивающие всё человечество и характеризующие выполнение международных обязательств государства, а дополнительным – жизнь и здоровье личности. Особенностью изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта является особый круг лиц, могущих быть потерпевшими от данного преступления.

Прежде всего, потерпевший должен обладать особым статусом – являться покровительствуем лицом по смыслу «права Женевы». Из анализа международных правовых актов следует, что потерпевшими могут признаваться следующие категории лиц:

- 1) Комбатанты, т.е. лица, принимающее непосредственное участие в боевых действиях в составе вооружённых сил одной из сторон вооружённого конфликта;

2) Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях (некомбатанты): гражданское население, медицинский и духовный персонал, гуманитарные работники, интендантский персонал, корреспонденты, военные юристы [1, с. 41];

3) Раненые, больные и потерпевшие кораблекрушение, независимо от их вхождения в состав вооружённых сил, сложившие оружие комбатанты;

4) Лишённые свободы в условиях вооружённого конфликта (включая военнопленных и задержанных);

5) Шпионы и наёмники. Особый интерес представляет собой статус шпионов и наёмников, которые хотя и принимают участие в вооружённом конфликте, но не признаются комбатантами (ст. 46, 47 I Протокола).

По смыслу норм, содержащихся в I Протоколе, при попадании в плен таких лиц, они не приобретают статуса военнопленных и лишены гарантий, предусмотренных III Женевской конвенцией. Кроме того, шпионаж и наёмничество сами по себе являются отдельными преступлениями.

Однако противоправное изъятие органов и (или) тканей у лица, являющегося шпионом или наёмником, является общественно опасным деянием, которое должно находить соответствующую уголовно-правовую оценку. Указанные лица пользуются гарантиями, которые предусмотрены для гражданских лиц, следовательно, изъятие у них органов и (или) тканей также будет являться военным преступлением.

Анализируемое преступление представляет собой деяние, которое может совершаться только путём действия и влечёт общественно опасные последствия в виде смерти либо причинения вреда здоровью различной степени тяжести.

Изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта совершается путём хирургического вмешательства, необусловленного медицинскими показаниями. Данное деяние может быть прижизненным (подп. «а» («ii»), «b» («x»), «с» («i»), «е» («xi») п. 2 ст. 8 Римского Статута МУС) либо посмертным. Посмертное изъятие указанных

биологических объектов может быть опосредовано совершением убийства и, как правило, выступает его целью [3, с. 97].

Убийство лица, находящегося под защитой Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, является самостоятельным преступлением (подп. «а» («i»), «b» («vi»), «xi»), «с» («i»), «е» («ix») п. 2 ст. 8 Римского Статута МУС. Следует отметить, что изъятие органов и (или) тканей человека *ex mortuo* в международном уголовном праве не является самостоятельным преступлением.

Тем не менее, общественные отношения в сфере обращения с телом человека после его смерти в условиях вооружённого конфликта урегулированы нормами международного гуманитарного права. Так, в соответствии со ст. 17 Женевской конвенции стороны, находящиеся в конфликте, обязаны обеспечивать погребение умерших с честью и, если возможно, согласно обрядам религии, к которой они принадлежат, а также уважительное отношение к могилам. Однако несоблюдение указанной нормы не признаётся серьёзным нарушением международного гуманитарного права [4].

Исходя из этого, изъятие органов и (или) тканей у трупа в условиях вооружённого конфликта, будучи общественно опасным деянием, нарушающим право человека на достойное отношение к его телу после смерти, не может рассматриваться как международное преступление. Между тем, в рамках национального законодательства государства не лишены права криминализовать указанное деяние.

Обязательным признаком объективной стороны преступления, связанного с изъятием органов и (или) тканей человека, является обстановка вооружённого конфликта как международного, так и немеждународного характера. Согласно ст. 2, общей для Женевских конвенций, под вооружённым конфликтом международного характера следует понимать все возникшие между двумя или более государствами случаи объявленной войны или иного вооружённого конфликта, даже если состояние войны не признаётся одним из этих государств, а также полную или частичную оккупацию территории

государства, даже если эта оккупация не встретит никакого вооружённого сопротивления. Вооружённый конфликт немеждународного характера характеризуется использованием вооружённого насилия властями, организованными группами и подобными им группами внутри государства [4].

Субъективная сторона изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта характеризуется прямым умыслом. При этом не требуется знания исполнителем характеристики вооружённого конфликта как международного или немеждународного, достаточно лишь осознания им фактических обстоятельств, определяющих существование вооружённого конфликта.

Несмотря на то, что наличие мотива или цели не должно являться конструктивным признаком состава рассматриваемого преступления, на практике виновные лица, как правило, преследуют цель использования органов и (или) тканей для трансплантации либо в коммерческих целях (продажа, изготовление сувениров, косметических средств, лекарственных препаратов и т.п.). Исходя из этого, мотивы изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта носят преимущественно корыстный характер. Субъектом преступления по международному уголовному праву является вменяемое, способное отдавать себе отчёт в своих действиях и руководить ими лицо, достигшее возраста 18 лет.

Так, в соответствии со ст. 26 Римского Статута МУС данный суд не обладает юрисдикцией в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста на момент совершения преступления. В то же время, как отмечалось выше, существующая на сегодняшний день система международной уголовной юстиции включает в себя национальные суды, которые уполномочены рассматривать дела о международных преступлениях в соответствии с национальным правом.

Например, согласно ст. 23 и 404 УК Таджикистана субъектом преступления, заключающегося в проведении операций по удалению тканей или органов для пересадки у лиц, находящихся во власти противной стороны,

задержанных или каким-либо иным образом лишённых свободы в условиях вооружённого конфликта, является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Несмотря на то, что субъект преступления является общим, изъятие органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта вряд ли может совершаться обычными людьми. Как правило, для этого необходимо участие медицинских работников или иных лиц, имеющих познания в области трансплантологии.

Основным непосредственным объектом изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта являются наиболее важные общественные отношения, причинение вреда которым вызывает озабоченность международного сообщества, а также обеспечение которых достигается путём добросовестного выполнения государствами международных обязательств в части гуманного отношения к лицам, вовлечённых в вооружённый конфликт. Дополнительным объектом анализируемого преступления может быть жизнь либо здоровье личности.

Потерпевшим может быть только лицо, являющееся покровительствуем по смыслу Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. Рассматриваемое преступление может совершаться только путём действия и влечёт общественно опасные последствия в виде смерти либо причинения вреда здоровью различной степени тяжести. Способом совершения анализируемого деяния является хирургическое вмешательство в организм живого человека, в результате которого удаляется тот или иной орган и (или) ткань. Аналогичные действия в отношении трупа человека с позиции международного уголовного права не признаются преступлением. Обязательным признаком объективной стороны деяния является обстановка международного или немеждународного вооружённого конфликта.

Субъективная сторона изъятия органов и (или) тканей человека в условиях вооружённого конфликта характеризуется прямым умыслом.

Субъектом преступления по международному уголовному праву является достигшее возраста 18 лет, вменяемое, способное отдавать себе отчёт в своих

действиях и руководить ими физическое лицо. Однако в рамках национального законодательства возраст уголовной ответственности может быть снижен. В подавляющем большинстве случаев рассматриваемое преступление совершается в соучастии.

Как правило, в преступную входят группу медицинские работники и командование вооружённых сил стороны, участвующей в вооружённом конфликте. Однако даже если командир или другой начальник непосредственно не совершает все преступные действия, он подлежит уголовной ответственности за преступление, совершённое находящимися под его контролем силами.

Библиографический список:

1. Егоров А.Ю. Правовой статус некомбатантов (на примере религиозного персонала) // Политика, государство и право, – 2015. – № 6.
2. Дорогин Д.А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование. – Москва, 2016. – 152 с.
3. Исмагилов Р.А. Шарапов Р.Д. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны. – Москва, 2014. – 195 с.
4. Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами (Заключена в г. Сантьяго-де-Компостела 25.03.2015 г.). Документ официально опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 // ИС «Параграф» (дата обращения: 11.05.2019 г.).